

Липгарт Андрей Александрович, Полякова Елена Владимировна

ОСОБЕННОСТИ ПРЯМОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗАХ Г. Х. МАНРО (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ "ESME", "GABRIEL-ERNEST", "THE STORY-TELLER")

Статья посвящена прямому повествованию в рассказах Г. Х. Манро. Это наиболее нейтральный тип повествования, при котором эстетический эффект достигается в основном за счёт сюжета как такового; язык рассказов предельно прост, но текст при этом не лишён маркированных языковых единиц, тропов и фигур речи. Основной темой рассказов является социальная сатира - одна из центральных тем творчества писателя. Особенности прямого повествования проиллюстрированы на материале рассказов "Esme" ("Эсме"), "Gabriel-Ernest" ("Габриэль-Эрнест") и "The Story Teller" ("Рассказчик").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/35.htm

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 129-132. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. **Пятница** [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Пятница> (дата обращения: 02.03.2014).
5. **Среда** [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F0%E5%E4%E0> (дата обращения: 03.03.2014).
6. **Фразеология.ру** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.frazeologiya.ru/> (дата обращения: 06.03.2014).
7. **Concise Dictionary of Proverbs** // Oxford University Press. 2003. 364 p.
8. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E5%ED%E5%E4%E5%EB%FC%ED%E8%EA> (дата обращения: 12.04.2014).
9. **Multitran** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=1&SHL=2> (дата обращения: 06.03.2014).
10. **Pickering D.** Dictionary of Superstitions // Cassel. 1995. 301 p.
11. **The Free Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/Friday> (дата обращения: 06.03.2014).

FEATURES OF WEEK DAYS PHRASEOLOGICAL UNITS ETYMOLOGY IN THE CONTEXT OF SUPERSTITION AND SAYINGS (BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Kutumova Sof'ya Aleksandrovna

*Moscow City Teachers' Training University (Branch) in Samara
smartellin@gmail.com*

The article considers the features of those phraseological units etymology in the English and Russian languages that have the names of week days in their composition. The author imposes linguo-cultural framework on the research, which is of particular relevance in view of this direction relative newness, and pays special attention to the consideration of interesting names in the context of folk superstitions and sayings.

Key words and phrases: linguistic culturology; week days; superstitions; sayings; language worldview; culture.

УДК 82:81-26; 82:81'38

Филологические науки

Статья посвящена прямому повествованию в рассказах Г. Х. Манро. Это наиболее нейтральный тип повествования, при котором эстетический эффект достигается в основном за счёт сюжета как такового; язык рассказов предельно прост, но текст при этом не лишён маркированных языковых единиц, тропов и фигур речи. Основной темой рассказов является социальная сатира – одна из центральных тем творчества писателя. Особенности прямого повествования проиллюстрированы на материале рассказов «Esme» («Эсме»), «Gabriel-Ernest» («Габриэль-Эрнест») и «The Story Teller» («Рассказчик»).

Ключевые слова и фразы: лингвопоэтический анализ; прямое повествование; тропы; фигуры речи; стилистически маркированные единицы.

Липгарт Андрей Александрович, д. филол. н., профессор

Полякова Елена Владимировна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
a_lipgart@mail.ru; polyakovaevl@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ПРЯМОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗАХ Г. Х. МАНРО (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «ESME», «GABRIEL-ERNEST», «THE STORY-TELLER»)©

В большинстве рассказов Г. Х. Манро – английского писателя рубежа XIX-XX веков – тип повествования можно охарактеризовать как «прямое повествование». Это наиболее нейтральный повествовательный тип, при котором эстетический эффект достигается в основном за счёт сюжета как такового. Основной темой рассказов является социальная сатира – одна из центральных тем творчества писателя. Данная группа рассказов обладает художественной ценностью, но не так интересна для лингвопоэтического исследования (лингвопоэтика – «раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [1, с. 18]), как другие группы рассказов. Чтобы проиллюстрировать эти положения, следует обратиться к конкретным текстам.

Так, в рассказе «Esme» [7] («Эсме») довольно сложный сюжет при относительной простоте языка. Во время охоты баронесса и Констанция Бродл отстают от группы и встречают гиену, сбежавшую из парка лорда Пабхэма. Животное бежит около них до тех пор, пока не находит цыганского ребёнка и не съедает его. После гиену сбивает машина, а водитель дарит баронессе дорогую бриллиантовую брошь в качестве возмещения за смерть «собаки» Эсме, якобы принадлежавшей баронессе и якобы пользовавшейся большой привязанностью последней.

Рассказ можно рассматривать как жестокую сатиру на безразличие богатых ко всему, что не относится к области их интересов. Кроважидность гиены – это всего лишь отражение равнодушия и эгоистичности двух героинь, чья ссора из-за бриллиантовой броши открывает перед читателем их хищный нрав. В рассказе Манро не противопоставляет благородных животных и подлых людей, но проводит параллель между безжалостной охотой дикого животного и человеческой алчностью, стремлением людей к комфорту и деньгам. Начинает казаться, что животные и люди не так различны между собой, а их общие черты скорее отталкивают, чем привлекают читателя [8, p. 425-426].

Всё это проявляется на уровне языка. Например, описанию броши уделяется значительно больше места в рассказе, чем описанию ребёнка, чьё имя и пол в рассказе даже не упомянуты. Ребёнок характеризуются местоимением оно ('it'), и о нём говорится, что это «маленький полунагой цыганёнок» («a small half-naked gipsy brat») или даже «объект на обочине» («wayside object»).

В рассказе много формальной лексики, что характерно для стиля Манро в целом: «The sudden apparition of two horsewomen and a hyena set it off crying, and in any case we should scarcely have gleaned any useful geographical information from that source; but there was a probability that we might strike a gipsy encampment somewhere along our route» [7, p. 87] / «Внезапное появление двух всадниц и гиены привело ее в состояние плача, да и в любом случае мы едва ли могли собрать крохи какой-нибудь полезной географической информации из этого источника; однако, была вероятность, что где-нибудь по дороге мы увидим цыганский табор» (Перевод Е. Гужова) [4]. Такие формальные слова и выражения, как 'apparition' ('появление'), 'to glean information' ('собирать информацию'), 'encampment' ('лагерь') намного больше подходят для научных трудов или информационной сводки, чем для светской беседы. «—Bring the spade, William”, he called to the chauffeur. Evidently hasty roadside interments were contingencies that had been provided against» [7, p. 88] / «—Принеси лопату, Уильям”, – приказал он шоферу. Очевидно, торопливые погребения на обочинах были предусмотренной случайностью» (Перевод Е. Гужова) [4]. Большая концентрация формальной лексики в последнем предложении затрудняет процесс чтения и выводит читателя на ассоциативный уровень, заставляя его задуматься о сюжете рассказа. Таким образом, формальная лексика подчёркивает бессердечие главных героев, скрытое за внешней чопорностью.

На первый план в тексте выходят лексико-семантические художественные приёмы: «She was looking as pale as a beetroot that has suddenly heard bad news» [7, p. 85] / «Она была такой же бледной, как свекла в обмороке» (Перевод Е. Гужова) [4]. Здесь мы видим довольно необычное сравнение Констанции со свёклой, осложнённое олицетворением. Далее в тексте, когда гиена съедает цыганского ребёнка, героиня снова сравнивается с побелевшей свёклой: «She was looking more than ever like an albino beetroot» [7, p. 87] / «Больше чем когда-либо она выглядела, как свекла-альбинос» (Перевод Е. Гужова) [4]. Героиня довольно эмоциональна, что всячески подчёркивается на протяжении всего рассказа, да и описанные события вполне закономерно вызывают у женщины ужас. Повествование в рассказе ведётся от лица баронессы, недолголюбивающей Констанцию, чем также можно объяснить наличие в тексте таких необычных сравнений. «I am perfectly certain that at the Last Judgement Constance will ask more questions than any of the examining Seraphs» [7, p. 88] / «Я совершенно уверена, что и на страшном суде Констанция будет задавать больше вопросов, чем любой из серафимов-экзаменаторов» (Перевод Е. Гужова) [4]. Этот пример также связан с Констанцией Бродл. Героиня постоянно задаёт множество вопросов, поэтому сравнение с серафимами на Страшном суде не случайно. Использование религиозной лексики в ироническом ключе в целом характерно для творчества Манро.

Автор использует приём «двойного повествования». Диалог Кловиса и Баронессы обрамляет рассказ о гиене Эсме. Таким образом, читатель видит происходящее глазами баронессы. Автор создаёт некоторую отстранённость от кровавых событий, описанных в рассказе. «Двойное повествование» делает текст ещё более сатиричным и позволяет Саки безжалостно высмеивать современное ему общество.

Теперь обратимся к двум другим рассказам, по типу похожим на «Esmé»: «Gabriel-Ernest» («Габриэль-Эрнест») [7] и «The Story Teller» («Рассказчик») [Ibidem]. Они имеют довольно много общего. Читатель сразу может отметить, что в обоих рассказах усиливается элемент действия и в то время ослабляется комментирующий компонент, связанный с активным использованием стилистически-маркированных единиц. Это не говорит о том, что рассказы не интересны с точки зрения стиля или композиции. Такое построение – один из возможных способов произвести эстетическое воздействие на читателя. В обоих рассказах представлены экзотические ситуации с захватывающим сюжетом, что компенсирует снижение числа стилистических приёмов.

Также в обоих рассказах автор применяет технику деформации и переосмысления сказки как жанра. С одной стороны, на первый план выходит элемент ужаса, встречающийся в детской литературе, с другой – в рассказах Манро хищные животные беспощадно съедают детей, что кардинально отличается от безобидных сюжетов многих популярных английских сказок (например, «Little Red Riding Hood» («Красная шапочка») или «Goldilocks and the Three Bears» («Златовласка и три медведя»)), в которых дети выживают) [6].

В коротком рассказе «Gabriel-Ernest» («Габриэль-Эрнест») [7] захватывающий фантастический сюжет: Ван Чиль узнаёт от гостившего у него друга, что у него в лесу живёт дикий зверь; далее во время прогулки герой встречает не зверя, а красивого обнажённого юношу, который шутливо рассказывает о своих привычках, напоминая привычки дикого зверя: оказывается, что юноша ест лесных животных, а иногда и детей. Вскоре юноша приходит в дом к Ван Чиллю, где ему разрешают остаться, и далее выясняется, что юноша – оборотень: он неожиданно превращается в волка и съедает соседского ребёнка.

В выраженном в рассказе отношении к поеданию детей, воспринимаемом как повседневное явление, можно найти отголоски сатирического эссе Д. Свифта «A Modest proposal» («Скромное предложение») (1729) [6], в котором писатель предлагал бедным ирландцам продать своих детей в качестве еды для богатых, чтобы

улучшить их материальное положение. Сатирическая гипербола Свифта жестоко высмеивала безжалостное отношение богатых к бедным. Подобную авторскую позицию можно встретить и в рассказе «Esme» («Эсме»), однако в «Gabriel-Ernest» («Габриэль-Эрнесте») мотив поедания детей связан со сверхъестественными качествами главного героя и иерархией человек-животное.

В рассказе можно встретить фразы с адгерентной коннотацией, использующиеся для описания внешности и поведения главных героев: «cryptic response» («загадочный ответ») (*Здесь и далее перевод наш – А.А., Е.П.*), «astonishing lightening movements» («удивительные лёгкие движения»), «pious invocation» («благочестивое заклинание»), «making frantic little grabs» («делая яростные маленькие движения»). Большое количество стилистически маркированных единиц связаны с образом солнца: «the dying glow of the sunset» [7, p. 57] («умирающее зарево заката»); «<...> the sun dipped out of view, and all the orange and pink slid out of the landscape, leaving it cold and grey» [Ibidem] («<...> солнце скрылось из виду, оранжевые и розовые краски исчезли, пейзаж сделался холодным и серым»); «the country roads, which were pink and mauve with the flush of the sinking sun» [Ibidem] («проселочные дороги, облитые розовато-лиловыми лучами заходящего солнца»). Образ солнца тесно связан с мальчиком и его исчезновением. Солнце – это своего рода фон, передающий мысли и чувства главных героев, например: «A dwindling rim of red sun showed still on the skyline, and the next turning must bring him in view of the ill-assorted couple he was pursuing. Then the colour went suddenly out of things, and a grey light settled itself with a quick shiver over the landscape. Van Cheele heard a shrill wail of fear, and stopped running» [Ibidem, p. 58] / «Над горизонтом всё ещё выглядывал тоненький краешек солнца; за следующим поворотом дорожки Ван Чеел должен был увидеть пару преследуемых им спутников <...>. Но в это мгновение краски вокруг вдруг разом поблекли, и серый полумрак окутал пожившуюся землю. Ван Чеел услышал пронзительный крик ужаса, — и остановился» (*перевод данного примера – П. Вязников*) [4]. Эти наводящие страх образы готовят читателя к эпизоду смерти ребёнка; возникает ощущение того, что должно произойти что-то страшное и мистическое.

Другая особенность рассказа – это сравнения, подчёркивающие тесную связь мальчика с природой и необычность героя. Например, мальчик сравнивается со зверем: «the boy turned like a fish» («мальчик повернулся, как рыба»); «A naked homeless child appealed to Miss Van Cheele as warmly as a stray kitten or derelict puppy would have done» («Нагой бездомный мальчик вызвал у мисс Ван Чиль точно такие же теплые чувства, какие обыкновенно вызывает бесприютный котенок или бродячий щенок»). На протяжении рассказа подчёркивается более высокий статус Габриэль-Эрнеста как животного [6]. Манро удачно сочетает взаимоисключающие характеристики животного и человека в образе Габриэля-Эрнеста, чем показывает, что у людей и животных намного больше общего, чем кажется на первый взгляд.

В диалоге между Ван Чилем и мальчиком встречаются разговорные выражения, например, «to talk through one's hat» («говорить чепуху», «хвастаться»): «You're talking rather through your hat when you speak of feeding on hares» [7, p. 54] / «Ты несёшь чепуху, когда говоришь, что питаешься зайцами».

Синтаксическая структура текста довольно проста. Каждое предложение содержит элемент действия. Предложение может быть осложнено с целью передачи большего количества информации: «He had a stuffed bittern in his study, and knew the names of quite a number of wild flowers, so his aunt had possibly some justification in describing him as a great naturalist» [Ibidem, p. 53] / «В кабинете Чили было чучело выпи, он знал довольно большое число названий диких цветов, поэтому его тетюшка, видимо, имела некоторые основания утверждать, что он блестящий натуралист». В рассказе довольно много примеров подобного характера.

Рассказ «The Story-Teller» («Рассказчик») во многом напоминает рассказ «Gabriel-Ernest» («Габриэль-Эрнест») по своим художественным установкам; элемент действия здесь ещё более развит, а юмористический эффект достигается на понятийном уровне. Как и в рассказе «Esme» («Эсме»), здесь применяется техника «двойного повествования» [6] – историю об «ужасно хорошей» девочке Берте, которую съел волк, успешно рассказывает попугайчик-холостяк трем детям, которым совершенно не нравились рассказы их благочестивой тётюшки. Такое построение текста помогает автору обыграть некоторые характеристики сказки в истории про Берту. Здесь можно найти элементы сказок «О трёх маленьких поросятах» или «О Красной шапочке», однако сюжет «перевернут»: погибает не волк, а добродетельная Берта. И это вполне логично за счёт поворота сюжета: действие развивается в безопасных рамках сознательно художественного, псевдо-детского повествования.

Повествование ведётся от третьего лица, что позволяет рассказчику комментировать неоднократно повторяющийся оксюморон «ужасно хорошее» («horribly good») поведение Берты: «There was a wave of reaction in favour of the story; the word horrible in connection with goodness was a novelty that commended itself. It seemed to introduce a ring of truth that was absent from the aunt's tales of infant life» [7, p. 307] / «Это вызвало волну благоприятной реакции на сказку. Слово “ужасный” в сочетании с хорошим поведением было чем-то необычным, что привлекало само по себе. Казалось, оно вносило элемент реализма, которого не хватало тетюшкиным рассказам о жизни детей». Изображая добродетель Берты как ханжество и лицемерие, Манро явно отходит от традиций изображения ребёнка как эталона безгрешности и невинности, характерных для романтизма или викторианской эпохи [2; 5].

Лексический уровень рассказа довольно прост, что может объясняться стилизацией текста под сказку. Большую часть рассказа занимает история, рассказанная детям, поэтому в тексте есть некоторое количество стилистически маркированных выражений, делающих историю рассказчика интересной для детей. Например, это прослеживается в описании волка: «an enormous wolf» («огромный волк»); «mud-colour all over, with a black tongue and pale grey eyes that gleamed with unspeakable ferocity» [7, p. 308] («цвета грязи, с черным языком и бледно-серыми глазами, сверкавшими неопишущей яростью»); «<...> its black tongue lolling out of its mouth and its pale grey eyes glaring with rage» [Ibidem, p. 309] («<...> высунув черный язык, при этом его бледно-серые глаза яростно сверкали»).

Также важны авторские комментарии, характеризующие тётушку и рассказчика и описывающие реакцию детей: «The aunt bristled in instant defence at this unexpected attack» [Ibidem, p. 307] («Тетушка изготвилась защищаться от неожиданного нападения»): глагол «to bristle» («рассвирепеть, ошетиниться») имеет ингерентную коннотацию и способствует созданию образа тётушки в юмористическом ключе. За исключением этого и ещё нескольких примеров юмористический эффект в рассказе в основном достигается не с помощью языковых средств, а за счёт сюжета.

Так как диалог занимает большую часть текста, синтаксическая организация сводится в основном к репликам героев и авторским комментариям. Действие в рассказе не нуждается в развёрнутом стилистически-маркированном комментарии, поэтому большинство предложений просты по своей структуре и позволяют читателю быстро понять основные мысли рассказа.

Список литературы

1. **Липгарт А. А.** Основы лингвопоэтики. М.: КомКнига, 2006. 168 с.
2. **Heywood C.** A History of Childhood: Children and Childhood in the West from Medieval to Modern Times. Cambridge: Polity Press, 2001. 240 p.
3. <http://detectivebooks.ru/book/29880969/?page=1>
4. <http://lib.ru/INPROZ/SAKI/clovis.txt> (дата обращения: 06.03.14).
5. **James A., Jenks C., Prout A.** Theorizing Childhood. Cambridge: Polity Press, 1998. 238 p.
6. **Maxey R.** Children are Given us to Discourage Our Better Instincts: The Paradoxical Treatment of Children in Saki's Short Fiction [Электронный ресурс]. URL: <http://jsse.revues.org/442> (дата обращения: 12.01.14).
7. **Munro H. H.** Collected Short Stories of Saki. Wordsworth Editions Limited, 1993. 494 p.
8. **Salemi J. S.** An Asp Lurking in an Apple-Charlotte: Animal Violence in Saki's. The Chronicles of Clovis. Studies in Short Fiction, 1989. P. 423-430.

MUNRO (BY THE EXAMPLE OF THE STORIES “ESME”, “GABRIEL-ERNEST”, “THE STORY-TELLER”)

Lipgart Andrei Aleksandrovich, Doctor in Philology, Professor
Polyakova Elena Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University
a_lipgart@mail.ru; polyakovaevl@gmail.com

The article is devoted to direct narration in stories by H. H. Munro. This is the most neutral narration type, when aesthetic effect is achieved mainly by means of plot as such; the stories language is simple to the limit, but at the same time the text is not deprived of marked language units, tropes and figures of speech. The basic subject of the stories is social satire – one of the central subjects of the writer's creative work. The peculiarities of direct narration are illustrated by the material of the stories – “Esme”, “Gabriel-Ernest” and “The Story-Teller”.

Key words and phrases: linguo-poetic analysis; direct narration; tropes; figures of speech; stylistically marked units.

УДК 372.881.111.1

Педагогические науки

В статье рассматриваются вопросы организации информативного, продуктивного и конструктивного общения на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе в ходе подготовки и проведения дискуссии за круглым столом по теме «Сервис на железнодорожном транспорте». Для обеспечения информативности и продуктивности общения предлагается система упражнений, основанная на Общеευропейских компетенциях владения иностранным языком. Конструктивность общения предлагается обеспечить путем организации ролевой игры: введения и распределения ролей руководителей компаний, работающих в сервисном секторе. В статье представлены образцы индивидуальных ролевых заданий для проведения ролевой игры на английском языке – дискуссии за круглым столом по теме «Сервис на железнодорожном транспорте».

Ключевые слова и фразы: дискуссия; информативность; продуктивность; конструктивность; компетенции; ролевая игра; индивидуальное ролевое задание.

Матвеева Наталья Викторовна, к. пед. н.
Московский государственный университет путей сообщения
matveevanv@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ДИСКУССИЯ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ ПО ТЕМЕ «СЕРВИС НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ»[©]

Дискуссия – вид диалогической речи, публичный спор на какую-либо тему. Дискуссия – это такая модель коммуникации, в которой несколько активных субъектов связаны между собой посредством отношения